

**The image of the Crimean nature in landscapes of I. K. Aivazovsky in the literary heritage of
N. S. Barsamov
Kugusheva A.
Образ крымской природы в пейзажах И. К. Айвазовского в литературном наследии
Н. С. Барсамова
Кугушева А. Ю.**

*Кугушева Александра Юрьевна / Kugusheva Alexandra – аспирант,
кафедра культурологии, философский факультет,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь*

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы восприятия творчества И. К. Айвазовского в литературном наследии крымского искусствоведа Н. С. Барсамова. Проведен анализ культурного окружения создания крымских пейзажей И. К. Айвазовского в контексте синтеза искусств.

Abstract: the article is devoted to the problem of the perception of creativity of I. K. Aivazovsky in the literary heritage of the Crimean art critic N. S. Barsamov. The author analyzes cultural environment of creating of Crimean landscapes by I. K. Aivazovsky in context of the synthesis of the arts.

Ключевые слова: И. К. Айвазовский, Н. С. Барсамов, Киммерийская школа, пейзаж.

Keywords: I. K. Aivazovsky, N. S. Barsamov, Cimmerian school, landscape.

В 2017 году будет отмечаться 200 лет со дня рождения известного художника и непревзойденного мариниста Ивана Константиновича Айвазовского (1817-1900). В преддверии юбилея к имени мастера пристальное внимание общества. С 29 июля в Государственной Третьяковской галерее проходит масштабная выставка его полотен, привезенных из 16 музеев, в том числе из фондов Феодосийской картинной галереи. И на общем восторженном фоне отзывов сегодня не каждый зритель вспомнит, что былу славу имени И. К. Айвазовского в начале XX века, возродил не кто иной, как Николай Степанович Барсамов (1892-1976), выдающийся деятель крымской культуры, бессменный директор и куратор Феодосийской картинной галереи в течение более сорока лет. Сейчас уже сложно представить себе художественные коллекции полуострова без солнечных натюрмортов мастера, без точных портретов, а историю Феодосийской галереи им. И. К. Айвазовского – без его трудов, посвященных творчеству знаменитого мариниста.

В 1923 году Н. С. Барсамов был назначен директором Феодосийской картинной галереи. В круг его обязанностей входило и управление Археологическим музеем. С 1923 года Н. С. Барсамов руководит художественной студией при галерее. Среди наиболее известных его учеников достойны упоминания Народный художник Украины П. К. Столяренко и С. Г. Мамчик [4].

Талант Н. С. Барсамова – художника нашел свое отражение в жанре портрета, пейзажа, интерьера. Больше всего его мастерство проявилось в жанре натюрморта. К сожалению, за пределами Крыма в качестве живописца он известен лишь небольшому кругу любителей искусства.

Н. С. Барсамов оставил исследователям не только интереснейшее художественное наследие, но и научные труды по искусству, в частности, посвященные творчеству И. К. Айвазовского. Уже в 1926 г. была издан первый буклет, освещавший основные экспозиционные узлы Феодосийской картинной галереи и ее образовательную программу: «Мы твердо верим, что настанет пора, когда вновь будет открыт и оценен в полной мере этот художник» [6, с. 14]. На данный момент его произведения об И. К. Айвазовском признаны одними из лучших искусствоведческих исследований творчества знаменитого мариниста [2].

В последующие годы в свет вышли другие публикации Н. С. Барсамова, посвященные творчеству И. К. Айвазовского и других представителей феодосийской школы, в частности, монографии о К. Ф. Богаевском и М. П. Латри.

Во время Великой Отечественной войны многие крымские музейные коллекции были разграблены. При бомбардировке в Керченском порту сгорели ящики с экспонатами Симферопольской картинной галереи, готовившиеся к эвакуации. Героическими усилиями четы Николая Степановича и его супруги Софии Александровны, главного хранителя фондов галереи, в сентябре 1941 года бесценная коллекция произведений И. К. Айвазовского была вывезена в Новороссийск и далее в Ереван [6, с. 19].

5 ноября 1944 года коллекция картинной галереи им. И. К. Айвазовского была возвращена из эвакуации в разрушенную Феодосию. Восстановлению галереи городские власти придавали первостепенное значение. Уже 2 мая 1945 года в Феодосии была открыта большая выставка 117 картин И. К. Айвазовского, и даже был выпущен каталог к ней [6, с. 23]. В послевоенные годы в галерее проводилась активная научная и экскурсионная работа, направленная на популяризацию творчества художников киммерийской школы и возрождение культурного пространства Восточного Крыма.

В каждом труде, посвященном И. К. Айвазовскому, Н. С. Барсамов стремится привести анализ его произведений с позиции художника и человека, хорошо знакомого с русской культурой XIX в. Работа в

Археологическом музее подсказывает Н. С. Барсамову возможность постепенного погружения в многовековое культурное пространство древнего и средневекового Крыма. Описывая старую Феодосию, он вводит читателя в историческую, художественную и аристистическую атмосферу, в которой воспитывался будущий маринист.

Течение романтизма накладывает отпечаток на стилистику ранних произведений И. К. Айвазовского. Н. С. Барсамов указывает на влияние, оказанное на молодого художника общением с выдающимися современниками – живописцем К. П. Брюлловым, музыкантом М. И. Глинкой, писателями В. А. Жуковским и И. А. Крыловым [3, с. 53]. «Крымский мотив» неизменно присутствует в творчестве многих деятелей культуры первой половины XIX в.: в пейзажах учителя И. К. Айвазовского М. Н. Воробьева и Н. Г. Чернецова; в текстах Адама Мицкевича, В. А. Жуковского и др. Юный маринист чутко воспринимает их трактовку художественного и словесного образа крымской природы.

Встреча с А. С. Пушкиным описывается в текстах Н. С. Барсамова как событие, наложившее отпечаток на всю последующую жизнь художника. Великий русский поэт «подробно расспрашивал молодого художника о его картинах и планах на будущее». Краткое общение с А. С. Пушкиным было предварено знакомством с его внутренним миром через поэтические произведения, и «светлый образ гениального поэта на всю жизнь запечатлелся в душе Айвазовского» [3, с. 53]. Впоследствии И. К. Айвазовский в письмах разных лет отмечал, что поэтический образ Крыма, созданный Пушкиным, лег в основу многих его произведений, и именно через его тексты он воспринимает в дальнейшем «брега Тавриды». Н. С. Барсамов проводит параллели между морскими пейзажами И. К. Айвазовского и его созвучием «дивной элегии А. С. Пушкина»:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан... [1, с. 253].

Спустя несколько десятилетий после встречи с А. С. Пушкиным И. К. Айвазовский сетует, что осталось не так много людей, которые доподлинно знали поэта, и потому живое впечатление от общения с ним и его произведениями художник спешит воплотить в серии полотен 1870-1890-х гг.: «Прощание Пушкина с Черным морем», «Пушкин с М. Раевской на берегу моря», «Пушкин на вершине Ай-Петри» и др. Н. С. Барсамов подчеркивает значение, которое приобретает для художника природа Южного берега Крыма в «пушкинском» контексте. Образы Гурзуфа и Аю-Дага для него овеяны воспоминаниями о путешествии поэта к «брегам Тавриды» с семейством Раевских, оставившем след во всей крымской культуре XIX в.

Наряду с поэтическим восприятием крымской природы через текст, Н. С. Барсамов подчеркивает важность визуального опыта от общения с полотнами Брюллова: «Помпея» озарила своим романтическим пламенем искусство Айвазовского на многие годы» [3, с. 53]. Созвучие их дарований «в верности глаза, твердости руки, <...> в их творческих склонностях» находит отражение и в общности чувства грандиозного, стихийного, выраженного в пластическом решении полотен. В 1838 году, под впечатлением от встречи с искусством Брюллова, И. К. Айвазовский направляется в Крым по поручению Академии художеств. Среди первых произведений, написанных в этот период с натуры (виды Ялты, Феодосии, Севастополя, Керчи), Н. С. Барсамов выделяет пейзаж «Керчь», 1839 г.: «Город показан со стороны древнего античного городища Мирмекий при закате солнца. Изумрудный цвет моря и воздуха предвосхищает те картины закатов и восходов солнца на море, какие потом всю жизнь не уставал писать Айвазовский» [Там же, с. 54]. Но отсылка к древней истории Боспора, сделанная автором текста, не вполне соответствует тому современному и «европейскому» образу приморского города, который предлагает И. К. Айвазовский. Уже в ранних его работах крымская земля приобретает черты, сходные с пейзажами Италии, Греции и Османской империи, с которыми художник познакомится впоследствии: архитектура провинции, рыбачьи лодки, стаффажные фигуры в восточной и европейской одежде. Возможно, именно эта общность крымской природы и культуры со всей средиземноморской природой и культурой подтолкнула И. К. Айвазовского к археологическим изысканиям в Феодосии, к поиску прочной исторической связи не только со средневековым наследием, но и с древнегреческой цивилизацией, «колыбелью» европейского культурного ландшафта. Известно, что эти поиски увенчались успехом, и сегодня найденные в Феодосии украшения и предметы быта украшают экспозиционные залы Эрмитажа. Но гораздо важнее глубокая убежденность художника в родственности духовного и материального наследия Крыма, воплощенного в его природных и городских пейзажах, общеевропейскому культурному пространству.

Во время путешествия в Италию И. К. Айвазовский приобретает известность. Его картина «Хаос», или «Сотворение мира» была приобретена для Ватиканского музея. В создании картины первозданного хаоса, образа усмирения разбушевавшейся стихии Н. С. Барсамов видит одно из ведущих направлений в творчестве мариниста.

В Риме И. К. Айвазовский оказывается в «итальянском кругу» русских деятелей искусств, посещает мастерскую А. И. Иванова и знакомится с Н. В. Гоголем. Личностное и эстетическое влияние последнего на молодого художника тем ощутимее, что писатель становится своеобразным трибуном «романтического реализма» в искусстве И. К. Айвазовского: «... если бы я был художником, я бы изобрел особого рода пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишут! Все ясно, все разобрано, прочтено мастером, и зритель по складам за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот

какие пейзажи надо писать!» [с. 56]. Обозначенная в этом манифесте тема борьбы человека с могущественными стихиями становится центральной в творчестве мариниста. В подтверждение сопричастности его полотен к общественным умонастроениям того времени Н. С. Барсамов цитирует Е. А. Баратынского, вновь вовлекая зрителя в литературный контекст культуры первой половины XIX в., где каждый вид искусства тесно переплетается с другими:

Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!
Волнуйся, восставай на каменные грани,
Он веселит меня, твой грозный дикий рев,
Как зов давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев [1, с. 251].

И для Н. С. Барсамова неслучайно соединение творчества И. К. Айвазовского, с его патетикой и воплощением борьбы стихий, воплотившего «кораблекрушения, грозы, молнии, прорезающие ночной мрак, грохот падающих в море скал, гром орудийных залпов» с музыкальной культурой эпохи. Неслучайно он указывает, что юный художник в период обучения в Академии художеств был близок к М. И. Глинке, выдающемуся музыканту, соединившему в своих произведениях лучшие традиции симфонической школы, богатство русской песенной культуры и негу Востока. Беглое упоминание Н. С. Барсамовым фамилии композитора должно подвести внимательного читателя к прочтению семиотического кода «пушкинского круга». Дружба М. И. Глинки с А. С. Пушкиным, создание романсов «Не пой, красавица, при мне» и «Я помню чудное мгновенье», работа над оперой «Руслан и Людмила», начавшаяся в 1837 г., погружают нас в атмосферу культуры романтизма, царившую в Петербурге до отъезда И. К. Айвазовского в Крым. И, словно дополняя высказывание известного критика В. В. Стасова о том, что «оба [Пушкин и Глинка] создали новый русский язык — один в поэзии, другой в музыке» [5], Н. С. Барсамов подводит читателя к мысли: «и третий — в живописи». Обозначенное И. К. Айвазовским направление маринистического пейзажа составило для того времени особый род художественного повествования о столкновении человека с могучими силами, ему неподвластными, и о покорении им первозданной стихии. В пейзаже «Феодосия» 1845 г. легкий штурм у крымских берегов кренит парусную лодку с андреевским флагом, но прочно на якорях стоят двухмачтовые фрегаты русского флота. Над темнеющим морем, как торжество человеческой мысли над природой, возвышается и довлеет светлый архитектурный пейзаж,озвученный образам Неаполя и Амальфи.

Наряду с мощной борьбой стихий, вторящей духовому подъему российской культуры первой половины XIX в., в творчестве И. К. Айвазовского Н. С. Барсамов подчеркивает и лирическую составляющую. Его картины умиротворённой природы «полны музыкальных ассоциаций», а наполненные серебристым светом ночные марини становятся «живописным воплощением ноктюрнов Шопена» [1, с. 253]. Возможность «полного слияния искусства живописи и музыки» была достигнута И. К. Айвазовским благодаря знакомству с музыкальными фантазиями Глинки, с виртуозными импровизациями на парижских сценах, — легкость и кажущаяся простота исполнения его полотен поражала воображение современников не меньше, чем высокое мастерство знаменитого композитора. Виды Феодосии, Гурзуфа и Ореанды наполнены легким ритмом, соединяющим блестящие краски крымских пейзажей с музыкальной и поэтической традицией XIX в.

Современное прочтение произведений И. К. Айвазовского, пристальное внимание к его полотнам, научные статьи и литература указывают на прочную связь творчества мариниста с русской культурой, со многими видами искусства. Тем значимее труд Н. С. Барсамова по изучению его жизни и творчества, популяризации художественного наследия. Он стал одним из первых исследователей И. К. Айвазовского в начале XX в., и по сегодняшний день его тексты остаются наиболее достоверным источником биографии великого мариниста. Близость к художественной и поэтической среде, в которой жил и творил мастер, позволила Н. С. Барсамову воссоздать культурный контекст написания его крымских пейзажей и восприятия природы полуострова в целом. Прочтение семиотического кода, предложенного Н. С. Барсамовым, позволяет читателю погрузиться в атмосферу «пушкинского» времени, найти созвучие полотен И. К. Айвазовского с русским поэтическим и музыкальным наследием, увидеть крымские пейзажи, наряду с европейскими, в контексте древней и современной истории. В возможности такого всестороннего и общекультурного прочтения творчества И. К. Айвазовского состоит заслуга Н. С. Барсамова перед будущими поколениями, когда великий маринист «вновь <...> открыт и оценен».

Литература

1. Барсамов Н. С. 45 лет в галерее Айвазовского. Симферополь: Изд. «Крым», 1971 г. 256 с. Ил.
2. Барсамов Н. С. Буклет персональной выставки. Харьковский художественный музей. Харьков: Книжная фабрика им. Фрунзе, 1966. Б.с.
3. Барсамов Н. С. Море в русской живописи. Симферополь: Крымиздат, 1959. 236 с., илл.
4. Ковалевская Н. А. Цветочный натюрморт в творчестве советских живописцев // Двенадцатые крымские искусствоведческие чтения, 2007. Вопросы теории, истории и критики искусства Крыма. Материалы республиканской научно-теоретической конференции. С. 22-30.

5. Левашёва О. Е., Лебедева-Емелина А. В. Глинка // Большая российская энциклопедия в 30 т. Т. 7. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2007. С. 233-235.
6. Савинов А. Н. Каталог: Николай Степанович Барсамов. Симферополь: Изд.: «Крым», 1968. 72 с.